

СТРАХ В ПРОСТРАНСТВЕ САКРАЛЬНОГО ЖОРЖА БАТАЯ

Н. В. Стороженко

Институт философии РАН

Поступила в редакцию 17 июня 2020 г.

Аннотация: человек активно погружается глубже в дифференцированное пространство объективной реальности, что неизбежно сказывается на его целостности в качестве субъекта. В свою очередь, это приводит к видоизменению основных аспектов человеческого существования. Как следствие, субъект, с одной стороны, не просто утрачивает некоторые важные основания своего бытия, такие как сакральность, но и переживает видоизменения других, таких как, например, страх. Сакральность и страх – два опосредованно взаимосвязанные феномена. Встает актуальный вопрос о том, что и как определяет динамику их взаимодействия, в рамках которой схожие условия неизбежно приводят к утрате сакрального, тогда как страх, в свою очередь, переживает свое изменение – из целостного комплекса перерождается в дефиницию психологических категорий. Несмотря на то что страх и сакральность вызвали интерес у многих мыслителей, вопрос их объективной взаимосвязи рассматривали единицы. Одним из таких философов является Жорж Батай. Однако проблема автора оказывается в том, что он определяет страх важной частью сакрального, при этом не уделяет должного внимания рассмотрению динамики между феноменами. Это предоставляет глубокий потенциал мысли для поиска ответов на вопросы о взаимодействии феноменов сакрального и страха. Полученные выводы позволяют не только определить место страха в пространстве сакрального Жоржа Батая, но и обосновать актуальность данного анализа в отношении современной проблематики исследуемых понятий.

Ключевые слова: философская антропология, сакральное, страх, профанное, запрет, динамика, амбивалентность.

Abstract: individual actively dives deeper in differentiated space of objective reality that inevitably reflects on his integrity as a subject. It leads to a change in key aspects of human existentiality. Thus, the subject, on the one side, not only loses such important basics of his existentiality as sacredness but goes through changing of other ones like fear. The sacredness and the fear are two indirectly connected phenomenons. An actual question is being raised about what determines their interaction dynamics that leads to sacredness loss while fear is changing – from the entire complex it turns into a definition of psychological categories. Despite the fear and the sacredness were the interest of many thinkers, their direct connection was considered by only a few. One of those philosophers was Georges Bataille. The main problem of his approach is that he identifies the fear is an important part of sacredness but he does not pay attention to considering dynamics itself between the phenomenons. It brings wide potential of thoughts for the search of answers on questions about dynamics between fear and sacredness. The findings allow us not just to point out the place of fear in field of Georges Bataille's sacredness, but also to substantiate the relevance of this analysis in relation to modern issues of considered phenomenons.

Key words: philosophical anthropology, sacredness, fear, secular, taboo, dynamic, ambivalence.

Юваль Ной Харари в своей книге «Homo Deus» провозглашает одним из устремлений человека современности «право на счастье» [1, с. 40]. Данный аспект, как указывает автор, обязательно будет учтен в разработке идеальной картины будущего. Понятия счастья или несчастья, о которых говорит автор, всегда сопряжены с внешними явлениями и катастрофами человеческого существования. К ним Харари относит голод, мор и войну, в схватке с которыми исторический индивид в подавляющем большинстве случаев проигрывает самую первую битву. Закономерным итогом становится смерть. Однако, согласно автору, основным критерием счастья для человека будущего является «конец смерти» [там же, с. 30]. В то же время смерть, как аспект человеческого существования, сопряжена с рядом его модусов, где одним из самых важных является страх. Поэтому возникает вопрос – значит ли «конец смерти» то, что в перспективе будущего мы полностью избавимся от страха? Ответ на него не может прозвучать однозначно.

В первую очередь, вопрос о том, каков будет человек без страха, приводит к размышлениям о тесной взаимосвязи предмета с категорией сакрального. Насколько страх и сакральность взаимосвязаны и каковы точки их соприкосновения? Например, современный испанский философ Франциск Торральба, размышляя о страхе, отмечает: «В последнее время было много написано о той страсти, от которой современные люди страдают и которая сама по себе не нова, однако которая в наше время переживает самые разнообразные формы и способ выражения» [2, р. 56–67]. Современное понятие страха уже не определено тем, что будоражило древнего человека. Оно фрагментировано и определено рамками. В нем больше нет необъяснимого трепета перед неизведанным сакральным. Тем не менее, если сакральное неизбежно покидает современный мир, страх остается, пусть и в психологических категориях.

Страх и сакральное вызывали интерес у многих мыслителей. Однако вопрос прямой взаимосвязи этих двух понятий рассматривали единицы. Работы, которые так или иначе затрагивают эту взаимосвязь, принадлежат ряду таких знаменитых философов, как З. Фрейд, Р. Отто, Р. Кайуа, С. Кьеркегор и др. Также рассматриваемая тема находит освещение в христианской традиции и в русской философии, где среди имен значатся В. Соловьев, П. Флоренский, Ф. Достоевский, С. Трубецкой, Н. Бердяев и др. Особняком стоит предвестник постмодернизма Жорж Батай, учение которого обнаруживает потенциал современного переосмысления. Связано это, прежде всего, с позицией самого философа, который в контексте рассуждения о человеке намеренно исключает субъект, предпочитая анализировать феномены сакрального, профанного, непрерывности и запрета. В то же время там, где, казалось бы, страх наконец-то должен найти себе достойное определение во взаимодействии с сакральным, его оценка опускается. Именно этим и интересна философия Батай в контексте заявленной проблемы. Так, Э. М. Спирина, например, замечает: «Батай, размышляя о происхождении человека, не покидает концеп-

цию эволюции. Но тут же впадает в противоречия. К сожалению, другой возможности у Батая нет. Эволюция сохраняет роль путеводной нити. Однако она не может объяснить неожиданные разрывы и “вспышки” в линейном развитии мира. На пример, так называемая когнитивная революция, которая предоставила людям (но не всем) новый способ думать и общаться. Вероятно, случайные генетические мутации изменили внутреннюю настройку человеческого мозга. Поэтому Батай в этом вопросе не последователен, поскольку мы можем только удивляться обнаружению страха. Объяснить его природу французский философ на самом деле не в состоянии. Действительно, непонятно, почему вдруг в единой природе, отданной мощному потоку рождений и смертей, возник разрыв, в котором помещается страх» [3, с. 296–313].

Таким образом, философия Жоржа Батая предоставляет глубокий потенциал мысли, который можно использовать для рассмотрения актуальных проблем современности. Это дает возможность проанализировать страх в динамике с сакральным, а также попытаться определить не только тонкую взаимосвязь этих двух категорий, но и те деликатные аспекты, которые их разделяют, позволяя сакральному неизбежно покидать мир современной реальности, а страху оставаться, но видоизменяться.

Место страха в философии Батая

В своей философии основной акцент Жорж Батай делает на анализе феноменов сакрального, профанного, запрета и непрерывности. Философ избегает структурности повествования, что, намеренно или нет, позволяет ему сохранять целостность субъекта. Все-таки, чтобы «обнаружить» страх в философии Батая, необходимо попытаться создать структуру.

Сакральное Батая выполняет «роль первичной бесформенной данности», в предельной точке которой укоренена непрерывность [4, с. 61]. Запрет же отделяет мир сакрального от мира профанного. Стоит отметить, что философ данную дуальность не разграничивает рамками. В этом сила и перспектива знания Батая, которые позволяют ему преодолевать антиномию профанное – сакральное. Таким образом, формально располагаясь на противоположных полюсах, категории, тем не менее, находятся в общем поле бытия индивида. Он, в свою очередь, является субъектом, целостность которого не определена константными параметрами. Субъект постоянно меняется, перемещаясь от одного полюса к другому. Но что же детерминирует это движение? Запрет? Не стоит забывать, что запрет является параметром внешним, который может быть сформирован историческими, антропологическими и географическими рамками. Очевидно, движение обусловлено неким внутренним аспектом субъекта.

Страх, в свою очередь, в философии Батая в отдельный феномен не выделен. По мнению французского философа, это некое присущее человеку чувство, которое с самого начала существует в непрерывности.

Страх возникает в синергии с другими переживаниями, которые человек обнаруживает «на границе возможного». Так философ пишет: «В бесконечном ужасе войны люди – толпами – подступают к страшному краю. Но человек далек от того, чтобы хотеть ужаса (и крайности): пытаться избежать неизбежного – вот что выпало на его долю. Его глаза, хотя и жаждут света, упорно избегают солнца, а кротость взгляда только изобличает сумерки, быстро навеваемые сном: если всмотреться в человеческую массу, в ее непроницаемые глубины, то становится видно, как она погружается в сон, как она всё дальше и дальше уходит в себя, замыкается в оцепенении» [5, с. 130].

Выход за пределы возможного означает смерть. Поэтому, погружаясь глубже в область сакрального и соприкасаясь с непрерывностью, индивид смотрит в глаза своему самому большому страху. Таким образом, можно предположить, что именно страх смерти определяет движение субъекта между категориями сакрального и профанного. Например, П. С. Гуревич и Э. М. Спирина отмечают: «Страх перед смертью заложен в самой человеческой природе, в самой тайне жизни. Он изначален, т. е. коренится в глубинах человеческой психики. Однако в конкретной эпохе, через призму определенных духовных ценностей этот ужас обретает различные преображенные формы. Каждая культура вырабатывает свою систему ценностей, в которой переосмысливается вопрос смерти и бессмертия. Она творит также определенный комплекс образов и символов, с помощью которых обеспечивается относительное психологическое равновесие индивидов» [6, с. 130–131].

Однако страх – комплексная человеческая эмоция. В контексте единого индивида оказывается важной именно его связь с сакральным и то, как сон возникает в природе человека.

Страх и сакральное

Страх, с разной перспективы рассмотрения, можно трактовать и как модус человеческого и как модус животного. Поэтому возникает вопрос, в каком комплексе эти два страха оказываются объединенными в индивиде и как они оказывают на него влияние. Что же первично – человек или страх?

Страх как животный инстинкт, стоит полагать, возникает вместе с человеком, являясь частью его биологической природы. Безусловно, подобную логику хочется применить к анализу эмоции страха в целом. Однако в страхе, который лежит именно в основе человеческой экзистенции, обнаруживается более сложный философский комплекс. Так, для Сёрена Кьеркегора страх возникает из «первородного» греха, который становится грехом всего человеческого рода только после совершения его Адамом. «Согласно традиционным понятиям, различие между первым грехом Адама и первым грехом любого человека таково: грех Адама имеет греховность как следствие, страх как предпосылка первородного греха, другой же первый грех имеет предшествующую греховность как условие» [7, с. 46–47].

Таким образом, грех возникает после человека. В контексте греха автор вводит понятие страха, который у него существует в двух значениях – страх перед Ничто и страх перед Нечто. Страх перед Ничто возникает только до совершения греха, когда человек пребывает в состоянии невинности. «В этом состоянии царствует мир и покой; однако в то же самое время здесь пребывает и нечто иное, что, однако же, не является ни миром, ни борьбой; ибо тут ведь нет ничего, с чем можно было бы бороться. Но что же это тогда? Ничто. Но какое же воздействие имеет Ничто? Оно порождает страх. Такова глубокая таинственность невинности: она одновременно является страхом» [там же, с. 59].

Такой страх в своей основе содержит чувство безосновательной тревоги и трепета перед неизведанным. Это не страх перед угрозой жизни, это страх самого себя в отношении непредсказуемости бытия. П. С. Гуревич описывает его следующим образом: «Метафизический страх погружает человека в самые немыслимые состояния. Здесь и возникает простор для самовластия человеческой фантазии. Образы ужаса рождаются как бы впрок, как преображение огромной психической энергии человека. Ключущие архетипы словно заслоняют человека от возможного саморазрушения, фрустрации» [8, с. 576].

Таким образом, экзистенциальный страх укоренен в сакральном. Однако он возникает не с человеком, как инстинктивный, а после, как входит в сознательную сферу бытия. Поэтому можно предположить, что экзистенциальный страх проявляет себя после столкновения с запретом. В терминологии Кьеркегора, именно первородный грех играет роль первого запрета. В преломлении к философии Жоржа Батая такая логика дает следующую картину: человек приходит в этот мир из непрерывности, неся на себе печать животного инстинктивного страха. «Всё позволяет думать, – писал Ж. Батай, – что люди первых времен были объединены отвращением и общим страхом, непреодолимым ужасом, направленным на то, что первоначально было аттрактивным ядром их союза» [9, с. 86].

Дальнейшее развитие происходит в развитии страха от непрерывности в направлении запрета. И именно с первым запретом возникает экзистенциальный страх. Ведь в непрерывности человек его не дифференцирует, и именно запрет структурирует действительность и определяет место страха, который и обнаруживает себя на границе возможного. «Край – что окошко, страх перед краем связывает с сумраком камеры, с пустой волей “тюремной администрации”» [10, с. 89].

Таким образом, сакральное – это область между инстинктивным и экзистенциальным страхом. В свою очередь, запрет «прокладывает» тропы между двумя видами страха, движение по которым определяет развитие индивида как уникального существа.

Амбивалентность страха

Новизна философии Жоржа Батая для своего времени заключалась в том, что автор констатировал силу животной части индивида. Он сме-

стиль вектор анализа феномена сакрального с возвышенной религиозности в сторону низменных аспектов жизни индивида. Усилил роль всех ключевых модусов человеческого бытия, Батай, таким образом, укрепил влияние амбивалентности. Например, релевантную мысль философ формулирует в аспекте древнего человека: «Всё указывает на то, что первобытные люди были ближе нас к животным: пожалуй, они отличали их от себя самих, но не без некоторого сомнения, смешанного со страхом и ностальгией. То чувство непрерывности, которое нам приходится приписывать животным, уже не безраздельно господствовало над человеческим умом (при полагании отчетливых объектов даже происходило его отрицание). Но из ее противоположности миру вещей он извлек новое значение. Если для зверя непрерывность не могла отличаться ни от чего другого, составляла в нем и для него единственно возможный модус бытия, то человеку она позволила противопоставить друг другу скудость профанных орудий (дискретных объектов) и всё очарование сакрального мира» [11, с. 64].

Таким образом, можно полагать, что страх, укорененный в сакральном, также обнаруживает свою амбивалентность. Так, Мартин Хайдеггер, анализирующий феномен страха, разделяет его на «перед-чем-страх» и «то, о чем страх». Немецкий философ помещает страх в центр действия, поэтому в зависимости от ситуации бытия он выполняет противоположные роли. Например, «перед-чем-страх» обнаруживает свой предмет и проявляет себя в нем. Хайдеггер пишет: «Перед-чем-страх, “страшное”, есть всякий раз нечто внутри-мирно встречающее в бытийном образе подручного, наличного или соприсутствия», он «вредоносное как близящееся вблизи несет с собой открытую возможность не наступить и пройти мимо, что не уменьшает и не угашает страха, но формирует его», поэтому «...страх тоже не просто констатирует приближающееся, а открывает его сперва в своей страшности. И, страшась, страх может потом себе, отчетливо глядяваясь, “уяснить” страшное» [12, с. 75–76]. Таким образом, в данном случае, страх служит своего рода проводником, который «вбирает» в себя свой предмет и определяет его значение. Совершенно по-другому работает ситуация «то, о чем страх». Хайдеггер пишет: «То, о чем страх, есть само страшящееся сущее, присутствие», поэтому «страх размыкает это сущее в его угрожаемости, в оставленности на самого себя» [там же]. Прежде всего, страх в данном случае – это конкретный предмет страха, который вычленяется из страха посредством его отдаления.

Рассмотрим проблему с еще одной стороны. Например, в своей книге «Священное» Рудольф Отто пишет: «Религия родилась не из естественного страха и не из некой предполагаемой всеобщей «мировой тревоги». Ибо ужас является не обычным естественным страхом, но уже первым самопробуждением и ощущением таинственного, пусть еще в сырой форме «жуткого», некой первой оценкой в соответствии с категорией, которая не относится к остальной обычной естественной сфере и не относится к области естественного» [13, с. 10]. Здесь, на мой взгляд, у автора описан

интересный с философской точки зрения подход, который опосредованно противоречит классической мысли Серена Кьеркегора. Согласно датскому ученому, страх произрастает из Ничто или Нечто. Отто же страх выводит за рамки каких-либо дефиниций. Возможно, он их просто смешивает, отдавая отчет силе субъективного, когда любая жесткая дифференциация уничтожает суть. Здесь позиция Кьеркегора является более близкой позиции Мартина Хайдеггера, года страх как феномен является причиной, а не следствием. Равнозначность полемики ослаблена тем, что Р. Отто в качестве аспекта анализа сакрального использует только религию. Безусловно, позиция Отто не ограничивается рассмотрением только христианства. Он справедливо привлекает к анализу другие, более древние религиозные структуры. В работе философа очевидна разработка религии в качестве структуры. Поэтому в данном вопросе он близок к «проектной» позиции Батая относительно религии. Однако размышления Рудольфа Отто наводят нас на мысль о том, что человеческий ужас произрастает из страха вообще, не определенного рамками.

Таким образом, привлекая к анализу признаков амбивалентности, мы можем утверждать, что в основе страх человека не разделен на инстинктивный и экзистенциальный. Он берет свое начало в области сакрального, а именно в его предельной точке – непрерывности. Такой страх невозможно описать только животными критериями, поскольку зачатки разумной природы вносят потенциал в данный комплекс. Поэтому, сталкиваясь впервые с запретом, страх обнаруживает субъект. Вероятно, это есть путь условной дифференциации – из непрерывности, через сакральное, выкристаллизовывается экзистенциальный страх перед Ничто, тот страх, который в последующем и является ресурсом человеческого развития. Однако такой страх не покидает непрерывность окончательно, он всегда с ней взаимосвязан. Через эту связь страх сохраняет собственную амбивалентность. Это и есть противостояние Ничто – Нечто Сёрена Кьеркегора, а также «перед-чем-страх» и «о-чем-страх» Мартина Хайдеггера.

В завершение отметим следующее. Сакральное и страх находятся в основании человеческого бытия, которое претерпевает свое изменение вследствие потери индивидом целостности. Несмотря на тесную взаимосвязь, каждый феномен переживает свой уникальный кризис и проблематику, в которой человек, как субъект процесса, играет определяющую роль.

Философия Жоржа Батая, актуальность которой заключается в попытке автора анализировать феномены сакрального, профанного, запрета и непрерывности, приводит к уникальному опосредованному выстраиванию проблемы субъекта без нарушения его целостности. Это дает нам необходимый потенциал для обнаружения тонкой взаимосвязи сакральности и страха в преломлении индивида. А именно то, что страх, подобно сакральному, берет свои корни в непрерывности. И даже несмотря на то, что у человека, подобно животному, существует инстинктив-

ный страх, комплексно он более сложный, содержит в себе потенциал человеческого. Проявляет себя данный потенциал при столкновении с феноменом сакрального.

Проблематика страха современной реальности состоит в том, что он утрачивает основание сакрального в процессе развития. Человек более не страшится необъяснимости того, что за гранью. Он стремится найти и категоризировать свой страх, чтобы путем методологических проработок избавиться от него. Из страха уходит трепет перед необъяснимостью бытия. Материализуя и определяя пространство вокруг, человек неуклонно создает такие условия, когда сакральному просто не остается места. Оно постепенно покидает мир. Страхиться таинственного уже невозможно. Однако, при этом, оставаясь в пространстве психологических дефиниций, индивид не защищен от столкновения с экзистенциальными материями, где его объяснимый страх вдруг превращается в страх перед черным зияющим пространством Ничто. В этом сила его амбивалентности. Возможно, она способна удерживать человеческое существо в связи с сакральными структурами, выход к которым превращается в единичные оказии, что, с точки зрения субъективности, мало сказывается на целостности бытия индивида. Однако дает ли это нам право на надежду о невозможности полной десакрализации человека, пока в нем живет страх? Это зависит от самого человека.

Тем не менее, как и в большинстве случаев, всё сводится к двум основным точкам зрения на главную проблему философской антропологии, которые заключаются в том, что индивид либо уничтожит себя окончательно как ценность бытия, либо перейдет на новый, пока неведомый нам этап развития [14, с. 33–45].

Литература

1. Харари Ю. Н. Homo Deus : краткая история будущего / Ю. Н. Харари. – М. : Синдбад, 2019. – 496 с.
2. Torralba F. The essence and forms of fear in hypermodernity / F. Torralba // Transfer. – 2011. – № 6. – P. 56–67.
3. Спирина Э. М. Отречение от нуминозного / Э. М. Спирина // Философская антропология. – 2017. – Т. 3, № 2. – С. 296–313.
4. Ростова Н. Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека / Н. Н. Ростова. – М. : Проспект, 2017. – 432 с.
5. Делюмо Ж. Пустота страха / Ж. Делюмо, Ж. Батай. – М. : Алгоритм, 2019. – 240 с.
6. Гуревич П. С. Грани человеческого бытия / П. С. Гуревич, Э. М. Спирина. – М. : ИФ РАН, 2016. – 173 с.
7. Кьеркегор С. Понятие страха / С. Кьеркегор. – М. : Академ. проект, 2014. – 224 с.
8. Гуревич П. С. Философская антропология / П. С. Гуревич. – М. : Омега-Л, 2008. – 607 с.
9. Олье Д. Коллеж Социологии / Д. Олье. – СПб. : Наука, 2004. – 588 с.
10. Батай Ж. Внутренний опыт / Ж. Батай ; пер. с франц., послесл. и коммент. С. Л. Фокина. – СПб. : Аксиома, Мифрил, 1997. – 366 с.

11. Батай Ж. Проклятая часть : сакральная социология / Ж. Батай. – М. : Ладомир, 2006. – С. 742.
12. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с.
13. Отто Р. Священное / Р. Отто. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 272 с.
14. Аванесов С. С. Антропологический тупик / С. С. Аванесов // Человек. RU. – 2015. – № 10. – С. 33–45.

Институт философии РАН
Стороженко Н. В., аспирант кафе-
дры истории антропологических учений
E-mail: storozhenko@yandex.ru

RAS Institute of Philosophy
Storozhenko N. V., Post-graduate Stu-
dent of the History of Anthropological
Studies Department
E-mail: storozhenko@yandex.ru